

«Я за Тебя и жизнь отдаю,

НО ОДИНОЧЕСТВО - ПРЕКРАСНЕЙ...»

фрагмент (интерв. с Моск. правде) - 20.07 - № 9

Среди Близнецов чрезвычайно много талантливых людей. Но обо всех них, наверное, можно сказать так, как Сергей Соловьев однажды сказал про Александра Кайдановского (родившегося под знаком Близнецов): «Саша был человеком крайностей. Вот если он Сталкер, то Сталкер до полного стalkerовского маразма, а если уж он хохочет, то до полного изнеможения. Вот как Индия - страна контрастов, так и Саша был такой же страной очень больших контрастов». Сергей Соловьев признается, что всегда ощущал в нем, с одной стороны, Александра Кайдановского, а с другой - Сталкера, который заслан в нашу Зону в поисках волшебной Комнаты.

- Мне казалось, - рассказывает режиссер, - что Александр так и прожил свою жизнь в ощущении, что эта Зона хранит для него массу смертельных подвохов, крайне недобра к нему и устроена так, чтобы уничтожить его. Уничтожить раз и навсегда и не дать вернуться. И тем не менее он в нее лез и лез, лез и лез, и гнал на этой своей дрезине в поисках некой волшебной Комнаты, в которой люди раз и навсегда становятся счастливыми. Как-то ошметки этой комнаты, раскиданные в результате какого-то космического взрыва, ему на пути попадались. И Саша время от времени был счастливым человеком. Вообще прелесть Саши была в том, что, прожив жизнь, как Сталкер, по сути дела стalkerизма он не любил, а напротив, любил страшно веселую, смешную и легкую жизнь. Сколько бы мы времени вместе ни проводили, 90 процентов этого времени мы хохотали, рассказывали друг другу анекдоты, просто занимались идиотизмом, лишенным какого бы то ни было глубокого смысла, высокого знания или некоего жертвоприношения. Саша обожал этот тип жизни.

...Мы очень странно познакомились. Я начинал снимать «Спасателя» в Вышнем Волочке, а одного из исполнителей главных ролей - режиссера телевидения - у меня не было. Я стоял на ступенях лестницы в диком тупом раздумье - кого бы снять? В это время, как в сказке, на желтых «Жигулях» в белом костюме проезжал Саша - он закончил сниматься в Ленинграде и ехал в Москву «своим ходом». Я просто заорал: «Стои! Стои! Стои!». Саша остановился, дал задний ход. Спрашивает: «Ты где здесь?» Я говорю: «Слушай, это гениально. Давай будешь играть Вараксана!». Вытащил его из машины, и он стал играть. А роль была дурацкая, интеллектуальная пародия вообще на этот тип занятия - режиссуру. Причем Саша играл это дико смешно. Я говорю: «Какой хреновиной ты всю жизнь занимаешься! Ты природный комедийный артист! Ты просто Луи де Фюнес. На тебя смотреть невозможно без истерического хохота!» А он говорит: «Но это же серьезная вещь». - «Вот чем серьезнее ты играешь, тем более это смешно, невероятно смешно!» Как мы начали в Вышнем Волочке хохотать, так и прохохотали оставшиеся дни.

...Саша был человеком высокообразованным, я думаю, самым образованным среди актерской профессии, одним из уникально

образованных людей. У него был свой пунктик, граничащий с патологией. Он не мог равнодушно видеть текст, написанный кириллицей, который он еще не прочел. И чтобы как-то бороться с этим пунктиком, он старался читать не все подряд, а хотя бы подбирать книги по названиям. Он был книгоцелем и библиофилом. И это было прекрасно!

Но сколько бы, повторяю, шматков Комнаты счастья, разобранных на пути, ему ни попадалось - сердцевиной его жизни остался Сталкер. И вот с мужеством, самоотречением, с трагическим пониманием неизбежности стalkerовского конца и в режиссуре, и в актерском мастерстве и в педагогике - с этим грузом стalkerизма, который на него так легко - то ли счастливо, то ли неосторожно повесил Тарковский, он жил и умер.

* * *

- Кайдановскому было повдольно все, - вспоминает оператор Александр Княжинский. - Он занимался живописью, изучал анатомию, сочинял музыку. Его сценарии покупали за рубежом. Он вел курс на Высших режиссерских, и его студенты были такими же безумными в своих планах, как и их Учитель. Я очень хорошо помню, как они работали - какие-то часы, люди вниз головой... Порой мне кажется, что он был из другого, Серебряного века.

...Мне часто вспоминается Таллин. 1978 год. Картина «Сталкер». Песенка на стихи Ф.Тютчева, которую Саша пел под гитару и с которой начинался каждый вечер. Накрывался дивный стол: креветки, рокфор и, конечно, коньяк «Варцхи». Другого Саша не признавал. Он считал, что в силу нашего таланта нужно пить самый дорогостоящий коньяк.

...Ну что, скажите на милость, может купить нормальный человек, поехав в Париж? Твидовый пиджак, шубу жене, пальто для собаки или какой-нибудь необычный сыр. Саша купил в Париже ручку за... 400FF и темные антикварные очки и того дороже! «Но ведь красиво», - удивляется он вопросу. - «А на хрена тебе это?»

...Только он мог жить в этой огромной, неудобной и нелепой комнате с лепным потолком и черными стенами, окрашенными так для съемок первой его режиссерской работы по Борхесу. С очаровательной дворнягой Зинкой, проваленным диваном и диким, совершенно безумным для нормального человека беспорядком. Но как уютно и тепло было в этом беспорядке!

...У него был сложный, я бы даже сказал, тяжелый характер. Но это не могло быть иначе. Люди талантливые в большинстве своем крайне одиноки, несмотря на толпы друзей и поклонников. Именно в одиночку им приходится защищать от громаднейшего количества сволочей, их окружающих и готовых каждую минуту укусь. Зато каким обаятельным, милым и остроумным был Саша среди близких ему по духу людей, каким щедрым и гостеприимным хозяином. Но посмей тронь... и он становился беспощаден.

* * *

- У Саши было много жен и женщин, - рассказывала сценарист Надежда Кожушаная. - Но он никогда не говорил о них. Все, что я знаю о Сашиних женщинах, я знаю от его женщин. Ни одна из Сашиних женщин не сказала о Сахе страшного или отвратного. Значит, все его женщины были настоящими.

